

T. V. Shmeleva
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Velikij Novgorod, Russia

HODONYM LEXICOGRAPHY: ADMINISTRATIVE, HISTORICAL, AND ONOMASTIC INFORMATION

The article discusses a special type of dictionaries that describe the names of city streets, which implies the presence of administrative, historical, and onomastic information in them. The dominance of one type of information determines their typology. They differ in the nature of the description — from a brief reference to small essays. Such dictionaries appear in different cities, which requires their understanding in terms of lexicography.

Keywords: lexicography, city streets, hodonyms, directories, history of street names, onomastics, slang.

УДК 81'374.822:81'373.43+811.161.1'374.3+811.163.2'374.3

© С. Г. Шулежкова, А. Н. Михин
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
г. Магнитогорск, Россия

ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ РУССКО-БОЛГАРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НЕОГРАФИИ*

Лексикографическое описание неологизмов в России и Болгарии имеет давнюю традицию. Однако в сферу интересов ученых попадают обычно лексемы; фразеологические неологизмы обычно помещаются в словарные статьи одного из своих компонентов. В условиях масштабного обновления национальных языков ощущается необходимость в создании русско-болгарского словаря фразеологических неологизмов нового типа. Разные пласты сверхсловных неологизмов нуждаются в применении специфических принципов организации и самого словаря, и его словарных статей.

Ключевые слова: цивилизационные перемены, тенденции обновления. источники обогащения, русско-болгарский словарь, фразеологический неологизм

Фразеологические корпуса русского и болгарского языков в конце XX — начале XXI в. обогатились множеством заимствованных, а также возникших на национальной почве фразеологи-

* Статья подготовлена в рамках международного гранта, поддержанного РФФИ и Национальным научным фондом Болгарии «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном коммуникативном пространстве» (№ 19-512-18005\19).

ческих единиц (далее — ФЕ). Такое обилие сверхсловных неологизмов, активно реагирующих на все изменения в жизни общества, связано с рядом причин. С одной стороны, на фоне геополитических «переделов» произошли кардинальные изменения в общественно-политической и социально-экономической жизни носителей русского и болгарского языков, которые повлекли за собой ослабление контактов между Болгарией и Россией и укрепили связи болгар с государствами, входящими в Евросоюз. С другой стороны, болгары и русские, как и все современное человечество, переживают кардинальные цивилизационные изменения, связанные с техническим прогрессом, благодаря которому народы планеты включились в единое коммуникативное пространство (см. об этом: [Chlebda, s. 9–28; Masuda, p. 3–23]), способствующее, с одной стороны, активизации заимствований, особенно из языков, занимающих лидирующее экономическое и геополитическое положение на мировой арене. С другой стороны, единое коммуникативное пространство создает благоприятные условия для налаживания всесторонних связей, в том числе между русскими и болгарскими. Общность происхождения и православного вероисповедания, а также близость культур и исторического прошлого являются надежной базой для восстановления разнообразных (экономических, политических, культурных, образовательных) контактов между Россией и Болгарией. Одновременно они представляют собой основу для сохранения национального своеобразия обоих языков и их дальнейшего обогащения не только за счет заимствований, но и за счет собственных ресурсов.

Нельзя утверждать, что в России и в Болгарии ученые не занимаются фиксацией и лексикографическим описанием фразеологических неологизмов. Однако эта работа не носит системного характера, а потому до сих пор не созданы ни русский, ни болгарский специальные словари, в которых бы масштабно были описаны не только заимствованные фразеологические неологизмы, но и сверхсловные единицы национального происхождения (как безымянные, так и крылатые), появившиеся в последние четыре десятилетия. Такие словари могли бы лечь в основу сопоставительного русско-болгарского словаря современных сверхсловных языковых единиц, возникших в период с 1980-х годов до нашего времени.

Существует ряд специфических особенностей, характеризующих состояние словарного дела применительно к интересующей нас проблеме. Во-первых, в неографии традиционно внимание ученых сосредоточивалось по преимуществу на лексемах-неологизмах (см.: [Благоева; Котелова 1983; Котелова 2015; Котелова 1978; НСЗ-60; НСЗ-90; РНД-2010; СНС-1995; Шагалова] и пр.). При этом фразеологические неологизмы могли включаться в словарные статьи, в которых описывались их компоненты. Однако число описанных сверхсловных неологизмов в подобных словарях составляло лишь от одного до семи процентов из общих индексов. (См. об этом: [Шулежкова 2019, с. 173–176]). Правда, в фундаментальном «Речник(е) на новите думи в българския език», содержащем около 5000 словарных статей, сверхсловные неологизмы составляют уже 15 %. Как пишут авторы этого издания, «Някои от статиите съдържат и сложни названия, термини и фразеологизми, в които се включва съответната заглавна дума. Общият брой на тези нови съставни единици е около 750, от които около 600 са терминологични, а 150 — фразеологични съчетания» [РНД-2010, с. 6]. Исключение составляет книга известного российского слависта В. М. Мокиенко «Новая русская фразеология», где талантливо описаны ФЕ-неологизмы перестроенного и постперестроенного периода России. В предисловии к этому уникальному словарю автор справедливо пишет: «Необходимо теоретическое и практическое обоснование таких принципов словарной обработки ФЕ-неологизмов, которые бы предотвратили их нивелировку в корпусе общелексического словаря неологии. Здесь целесообразна тенденция к постоянному сочетанию традиционных и новаторских приемов обработки материала...» [Мокиенко, с. XXV]. Во-вторых, авторы фразеологических словарей конца XX — начала XXI столетия либо опираются на хорошо устоявшийся фразеологический материал, делая акцент на его лингвокультурологическом описании и фактически не привлекая новые сверхсловные единицы, не связанные с национальными традициями (см., например, «Большой фразеологический словарь русского языка», изданный под редакцией В. Н. Телия в 2006 г. [БФСРЯ 2006]); либо включают фразеологические неологизмы в новые лексикографические труды далеко не в полном их объеме (см. цикл фразеологических словарей, изданных под редакцией

А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [Академический словарь русской фразеологии; ФОСРЯ и др.]). В-третьих, лексикографы производят отбор новых сверхсловных языковых единиц для своих будущих словарей, руководствуясь разными принципами. Кто-то интересуется сферы функционирования неологизмов (например, СМИ, интернет-общение, художественная литература, сленг и пр.). Другие авторы ограничивают индексы описываемых ими фразеологических единиц жанровой принадлежностью их источников (например, кинематографом, мультипликационными фильмами, телерекламой и пр.) [Дядечко 2007; Елистратов; Шулежкова 2018]. Иных, помимо источников, интересуют авторы и время возникновения новых ФЕ (политические и государственные лидеры эпохи, выдающиеся личности из сферы культуры и пр.) [Душенко] или социальная среда, в которой сформировался новый фразеологизм (военная, школьная, студенческая, финансовая, спортивная и т. д.) [Мокиенко].

Потребность в научной квалификации массива фразеологических неологизмов последних четырех десятилетий, в установлении их происхождения, узуального значения, нормативного употребления, стилистической характеристики, с приведением образцов уместного их использования и в России, и в Болгарии возросла в последние годы, когда постепенно стали налаживаться контакты между нашими странами. Она ощущается и в образовательной, и в экономической, и в официально-деловой, и в культурной сферах, а также явственно дает о себе знать в глобальном коммуникативном пространстве. Значительный вклад в решение этой проблемы внесла болгарская исследовательница С. Георгиева, уже много лет занимающаяся сопоставительным изучением русских и болгарских фразеологизмов [Георгиева 2011а; Георгиева 2001б]. Однако пока еще не создан ни один русско-болгарский словарь фразеологических неологизмов, хотя уже увидел свет двуязычный русско-польский идиоматикон под редакцией проф. В. Хлебды [Podręczny idiomatykon polsko-rosijski].

Творческий коллектив из ученых России и Болгарии задался целью создать сопоставительный русско-болгарский фразеологический словарь, который бы отвечал современным научным требованиям и был бы полезен и российским, и болгарским пользователям. Сложность состоит в том, что объектом описания должен стать

очень объемный, чрезвычайно разнородный материал и с точки зрения содержательной, и с точки зрения структурной, и с точки зрения происхождения, и с точки зрения функционирования, и с точки зрения взаимной межъязыковой соотнесенности. Главное лингвистическое требование к каждому сверхсловному образованию, включаемому в словарь, — его лингвистический статус, то есть его «вписанность» в языковую систему. Это означает, что неологизм уже обладает дифференциальными свойствами, которые присущи объекту фразеологии в широком его понимании: сверхсловностью (раздельнооформленностью), воспроизводимостью в качестве готовой единицы языкового общения, устойчивостью компонентного состава и грамматической структуры (не исключаяющей вариантности) и стабильностью семантики, закрепленной за данным оборотом в языковом узусе.

В зависимости от обстоятельств возникновения и освоения в словарные статьи будут включаться различные сведения — этимологические, этнографические, страноведческие, технические, культуроведческие, биографические и пр.; следовательно, и сам анализ свойств каждого неологизма потребует применения разных методик и приемов. Ведущими же подходами к исследованию языкового материала коллектив признал лингвокультурологический и системный.

Все собранные сверхсловные неологизмы, учитывая характер их значений, условно можно разделить на два разряда: безымянные ФЕ и крылатые выражения (далее — КВ). Кроме того, в зависимости от источников происхождения и обозначаемых ими реалий сверхсловные неологизмы представляют собой либо 1) единицы, которые в русском и болгарском языках обладают фактически одинаковыми значениями (рус. *семейный доктор* — болг. *фамилен лекар*, рус. *санитарный минимум* — болг. *санитарен минимум*, рус. *мокрое дело* — болг. *мокра поръчка* (букв. 'мокрый заказ'), рус. *черный пиар* — болг. *черен пиар*); либо 2) единицы, не имеющие аналогов в сопоставляемых языках (ср. болг. *зелена партия*, *син телефон*, *синя карта*, *синьо училище*, *синя зона*, *синя идея*, *дървена мафия*, *зелено училище* и рус. *даю установку*, *процесс пошел*, *убить дракона*, *вкусновато*, *но маловато*, *самая обаятельная и привлекательная*, *Старуха Шапокляк*, *крокодил Гена*). Здесь и далее болгарские неологизмы взяты из [РНД-2010], русские — из собранной

российским коллективом картотеки и книг [Мокиенко 2003, Шулежкова 2018, Дядечко 2019].

Наиболее продуктивными «поставщиками» новых ФЕ для обоих сравниваемых языков являются техническая, финансовая, экономическая, политическая, военная, спортивная сферы и Интернет; для русского языка — это и современные синтетические жанры искусства, и профессиональная речь, и жаргонная стихия.

Большинство сверхсловных неологизмов изучаемой эпохи обладает предметным значением (*бархатная революция, гибридная война, виртуальная реальность, силиконовая долина, горячая точка, серая зарплата, раздача слонов, девушка по вызову, финансовая пирамида, порог бедности, мина замедленного действия* и т. д.). На втором месте по численности — процессуальные ФЕ (*голосовать ногами, в цинковом гробу вернуться, получить свое Ватерлоо, сидеть на нефтяной игле, держать палец на красной кнопке, отмывать деньги, промывать мозги, отделять/отделить мух от котлет, наводить мосты* и пр.). Гораздо меньше сверхсловных неологизмов с атрибутивными значениями (*белый и пушистый, из другой обоймы, небрит и вдали от Родины* и пр.). Значительный пласт фразеологических неологизмов составляют единицы предикативного типа, то есть те, что играют в коммуникации роль самостоятельных предложений. Среди них встречаются различного рода изречения, принадлежащие государственным лидерам (*Борис, ты не прав!, Денег нет, но вы держитесь; Хотели как лучше, а получилось, как всегда*); сентенции (*За что боролись, на то и напоролись, Страна должна знать своих героев*); лозунги, призывы, девизы (*Вперед, Россия!, Нет терроризму!, Победа деда — моя Победа!, Работайте, братья!, Помним Одессу, помним майдан!, Своих не сдаем!*); коммуникативы, используемые в различных жизненных ситуациях (*Гори все синим пламенем!, Суду все ясно!, Чин чинарём, Убиться можно!* и пр.).

Структура словаря, задуманная как книга-перевертыш, должна содержать две части: русско-болгарскую и болгарско-русскую, внутри которых словарные статьи предполагается расположить в алфавитном порядке. Композиционно же сами словарные статьи при обязательном заполнении четырех зон (*инициальной, семантической, источниковой и иллюстративной*) будут дополняться зонами, которые условно можно назвать вариантными.

В *инициальной зоне* фразеологический неологизм должен быть представлен в своей узуальной форме. При наличии аналога в сопоставляемом языке он также приводится в *инициальной зоне*:

Цветная революция — *болг. нежна революция*

Черен список — *рус. черный список*

В *семантической зоне* характеризуется значение неологизма. При необходимости дается стилистическая помета:

Новые русские — *болг. новите руснаци*

Нов. публ. О русских предпринимателях, появившихся в России после массовой приватизации в 1990-е годы.

Источниковая зона должна содержать сведения об обстоятельствах зарождения ФЕ. Без учета культурологических данных описание фразеологических неологизмов не может быть полноценным. Как справедливо пишет В. Н. Телия в «Послесловии» к «Большому фразеологическому словарю русского языка»: «Культурологический комментарий дополняет и во многом проясняет толкование, выполняя роль ‘ключа’ <...> к веками складывавшемуся на основе образной мотивации значению фразеологизма и воплощенным в его языковое содержание и форму смыслов, принадлежащих ‘языку’ культуры...» [Телия, с. 780]. В *источниковой зоне* должны описываться условия и время возникновения сверхсловного неологизма, указываться сфера коммуникации, в которой он начал использоваться. У безымянных калек и полукалек должны быть установлены язык-донор и непосредственное выражение, послужившее базой для заимствования. КВ, принадлежащие определенным лицам, необходимо сопровождать краткими биографическими справками и описанием обстоятельств, при которых описываемая фраза была произнесена. Если фразеологический неологизм восходит к какому-либо произведению искусства, тогда в *источниковой зоне* должны содержаться сведения о времени появления этого произведения (на киноэкранах, на телевидении, на концертных площадках, на театральной сцене и т. д.); об авторах и исполнителях (в зависимости от жанра источника — о сценаристах, режиссерах, художниках, операторах, композиторах, поэтах, певцах, актерах и т. д.); при необходимости здесь должна появиться информация о персонаже и эпизоде, где произносится реплика, превратившаяся в языковую единицу. Если оборот не имеет автора и рожден стихийно, то необходимо указать время появления неологизма; место (страну, регион

и пр.); описать обстоятельства, при которых неологизм возник; назвать социальные/политические силы, которые поддержали данное выражение.

Очень важную роль в создающемся словаре должна играть *иллюстративная зона*. Она призвана убедить читателя в языковом статусе описываемого оборота. А потому в каждой словарной статье предполагается помещать не менее пяти полноценных контекстов, в которых ФЕ реализует свое узусальное значение. При необходимости иллюстративная зона может расширяться за счет примеров, где неологизм используется в трансформированном виде.

Вслед за иллюстративной зоной там, где для этого имеются все основания, может располагаться *синонимо-антонимическая зона*, которая послужит дополнительным доказательством включенности описываемой сверхсловной единицы в языковую систему. Как справедливо утверждал В. фон Гумбольдт, «В языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого» [Гумбольдт, с. 79].

В случае если сверхсловный неологизм уже подвергался лексикографическому описанию, посвященная ему словарная статья должна завершиться *справочной зоной*, которая должна отразить процесс фиксации неологизма в различного типа словарях.

Объединение в одном словаре самых разных по происхождению сверхсловных языковых единиц под общим названием *фразеологические неологизмы*, нам представляется принципиально важным. С момента выделения фразеологии в самостоятельную лингвистическую дисциплину прошло достаточно много времени, чтобы убедиться в плодотворности широкого взгляда на ее объект. Такой подход в наибольшей степени соответствует ожиданиям будущих пользователей нашего словаря. Как утверждает председатель Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов В. М. Мокиенко, «стало ясно, что изучение “чистой”, “узкой” неологии чревато слишком многими трудностями и не дает возможности взглянуть на нее и интерлингвистически, и интердисциплинарно. Оно неперспективно и с точки зрения лексикографической обработки, поскольку для каждого конкретного языка мы имеем совсем иной банк неологической информации, часто несопоставимой ни количественно, ни качественно» [Мокиенко, с. VII].

Литература

Академический словарь русской фразеологии / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. М. : ЛЕКСРУС, 2014. 1168 с.

Благоева Д. Проблемы на славянската тълковна неография // Лексикология и лексикография славянских языков: междун. колл. труд / отв. ред. М. И. Чернышёва. — Москва : ЛЕКСРУС, 2017. С. 15–37.

БФСРЯ 2006 — Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.

Георгиева С. За характера на фразеологичните неологизми в българския език // Езиковедски изследвания. В чест на проф. Сийка Спасова-Михайлова. София : Проф. Марин Дринов, 2011а. С. 163–170.

Георгиева С. Межкультурное взаимопонимание: к проблеме лексикографической обработки фразеологических инноваций // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011б. № 3 (33). С. 111–115.

Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным этапам его развития, 1843 // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М. : Просвещение, 1964. С. 73–85.

Душенко К. В. Словарь современных цитат : 5250 цитат и выражений XX и XXI века, их источники, авторы, датировка. М. : ЭКСМО, 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://thelib.ru/books/dushenko_konstantin_vasilevich/slovar_sovremennyh_citat-read.html (дата обращения: 29.10.2019).

Дядечко Л. П. Вокруг да около рекламы : фразообразовательный словарь. Киев : Аванпост-Прим, 2007. 416 с.

Дядечко Л. П. Словарь крылатых слов и выражений нашего времени. М. : Словари XXI века, 2019. 624 с.

Елистратов В. С. Словарь крылатых фраз русского кино. М. : АСТ-ПРЕСС Книга, 2010. 336 с.

Котелова Н. З. Банк русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л. : Наука, 1983. С. 158–222.

Котелова Н. З. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. Предисловие // Н. З. Котелова. Избранные труды. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 222–239.

Котелова Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л. : Наука, 1978. С. 3–28.

Мокиенко В. М. Новая русская фразеология / red. K. Gajdowa. Opole : Un-t Opolski — In-t filologii polskiej, 2003. 168 s.

НСЗ-60 — Новые слова и значения: словарь-справочник (по материалам прессы и литературы 60-х годов) / под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М. : Ин-т рус. языка АН СССР, 1971. 543 с.

НСЗ-90 — Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века / под ред. Т. Н. Буцевой (отв. ред.) и Е. А. Левашова: в 3 т. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2009–2014 (Т. 1. — 813 с.; Т. 2. — 1392 с.; Т. 3. — 1360 с.).

РНД-2010 — Речник на новите думи и значения в българския език (от края на XX и първото на десетилетие на XXI в.) / Е. Пернишка, Д. Благоева, С. Колковска. София : Наука и изкуство, 2010. 516 с.

СНС-1995 — Словарь новых слов русского языка (середина 50-х — середина 80-х годов) / под ред. Н. З. Котеловой. СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. 276 с.

Телия В. Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 776–783.

ФОСРЯ — Фразеологический объяснительный словарь русского языка / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. М. : Эксмо, 2009. 704 с.

Шагалова Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. М. : Астрель, 2011. 413 с.

Шулежкова С. Г. Не смешите мои подковы! : словарь крылатых выражений из мультфильмов. Магнитогорск : Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова, 2018. 180 с.

Шулежкова С. Г. Русские и болгарские фразеологические неологизмы как объект словарного описания // Научный диалог. 2019. № 9. С. 173–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-173-189.

Masuda Y. The Information Society as Post-industrial Society. Tokyo, IIS, Washington D., 1980. 165 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/informationsoe00masu/page/n164> (дата обращения: 09.04.2019).

Chlebda W. Słownikowy opis zwrotu cyfrowego. Podejście pierwsze // Podręczny idiomatikon polsko-rosyjski / pod red. W. Chlebdy. Zeszyt 9. Opole : Wydawnictwo Un-tu Opolskiego, 2017. S. 9–28.

Podręczny idiomatikon polsko-rosyjski / pod red. W. Chlebdy. Zeszyt 9. Opole : Universities Opolski, 2017. 377 s.

S. G. Shulezhkova, A. N. Mikhin

*Nosov Magnitogorsk State Technical University
Magnitogorsk, Russia*

THE ISSUES OF COMPARATIVE RUSSIAN-BULGARIAN PHRASEOLOGICAL NEOGRAPHY

Collecting and linguistic description of neologisms in Russia and Bulgaria has a long tradition. However, Russian and Bulgarian lexicographers pay attention mostly to one-member neologisms. New superword language units usually can be found inside the dictionary entry, which describes one of components of a unit. Modern neologism guides comprise about 1–7 % of superword language units. In the context of reactivating of Russian-Bulgarian cultural contacts and against the background of massive updating of Russian and Bulgarian phraseological funds at the turn of XXI century, there is a dire need of Russian-Bulgarian dictionary of phraseological neologisms. The dictionary has to be different in its structure and content from ordinary comparative bilingual dictionaries. Various groups of new superword units (international phrases; borrowing; units, gener-

ated from national artworks; phraseological units, born by substandard speech practice or connected with folk traditions, and ect.) require using specific approaches not only to the dictionary structure arrangement, but also to the arrangement of its entries and parts.

Keywords: civilizational changes, renovation tendencies, sources of enrichment, Russian-Bulgarian dictionary, phraseological neologism.